

9 (с126Л)

П-29

ПЕТЕРБУРГ
ПЕТРОВСКОГО
ВРЕМЕНИ

9(c 126A)

П-29

Институт Истории Академии Наук СССР

Ленинградское отделение

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

9(c-1)
П29

ПЕТЕРБУРГ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Очерки

под редакцией А. В. Предтеченского

Российский фонд культурного
и природного наследия
библиотека

Ленинградское
газетно-журнальное и книжное
издательство
1948

13 НОЯ 2009

Исторический музей
Библиотека

Библиотека
Исторический музей
1571

Handwritten signature

Петербург петровского времени

Сборник статей под ред. А. В. Предтеченского

Этот сборник статей, посвященных Петербургу петровского времени, является первым из трудов по истории Ленинграда, подготовляемых Ленинградским отделением Института истории Академии наук СССР. Статьи посвящены вопросам возникновения Петербурга, его населения, экономики и культурной жизни. Статьи составлены почти исключительно по материалам, уже вошедшим в научный оборот. Положенный в основу статей материал позволяет поставить ряд отдельных вопросов, до сих пор мало освещенных в литературе о Петербурге петровского времени. Научно-популярное изложение статей делает сборник доступным для широких кругов культурных советских читателей. В сборнике даны только те иллюстрации, которые сделаны современниками, рисунки более позднего происхождения в книге не помещались.

Отзывы о настоящем сборнике просьба присылать по адресу: Ленинград, Торговый пер., 3, Лениздат.

W

А. В. Предтеченский

ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА

Земли, расположенные в районе Ладожского озера и Невы, на берегах которой был основан Петербург, являлись исконными русскими землями. Они входили в состав Водской пятины Новгорода. Русскими людьми были построены здесь города Ям, Копорье, Орешек, Ивангород. Когда в XV веке Новгород был присоединен к Москве, эти земли вошли в состав Московского государства. Но в следующем столетии, в результате неудачной для русских ливонской войны, единственный принадлежащий Московскому государству выход к Балтийскому морю через побережье Финского залива был потерян. В конце XVI века финское побережье снова стало русским: по Тявзинскому миру (1595), которым закончилась русско-шведская война, Ям, Копорье, Ивангород и другие города возвращались России. Но во время шведской интервенции в начале XVII века финское побережье опять подпало под власть шведов и по Столбовскому миру (1617) осталось за Швецией.

Утрата выхода к Балтийскому морю нанесла серьезный ущерб политическому и экономическому развитию России. К концу XVII столетия необходимость овладения берегами Балтийского моря стала настолько острой, что нельзя было больше медлить с разрешением этой важнейшей политической задачи. Начатая Петром I Северная война имела целью возвращение России тех ее земель, без обладания которыми ее дальнейшее развитие могло остановиться. Маркс так говорит об этом:

«...Никто не мог себе представить великую нацию, оторванную от морских побережий и устьев ее рек... Россия уже не могла оставить в руках шведов устье Невы, которое являлось естественным выходом для сбыта продукции северной России... Петр завладел всем тем, что было абсолютно необходимо для развития его страны».

Отчетливо сознавая эту необходимость, Петр начал подготовку к войне. Прежде всего ему было нужно заручиться поддержкой тех европейских государств, которые, подобно России, испытывали на себе тяжесть политического и экономического господства Швеции в Северной Европе.

В 1698 г. Петр, вызванный из Вены сообщением о стрельцком бунте, возвращался в Россию. На пути он встретился в Раве (в Галиции) с польским королем Августом II. Польский король жаловался на непрочность своего положения («много поляков противных имеет») и просил Петра оказать ему помощь в случае необходимости. Петр ответил согласием и в свою очередь просил Августа II помочь «отомстить обиду, которую учинил ему рижский губернатор Дальберг в Риге». Польский король обещал Петру свою поддержку. Этим разговором, происходившим на вечере у генерала Флемминга и носившим, повидимому, совершенно неофициальный характер, все дело и ограничилось. Никаких письменных обязательств оба монарха друг другу не дали. Однако разговор в Раве положил начало русско-польскому союзу, оформленному в следующем году. В Москву приехал уполномоченный польского короля Карлович, в результате переговоров с которым в Преображенском 11 ноября 1699 г. был заключен «наступательный союз против Швеции», к которому в том же году присоединилась и Дания. Во время переговоров в Преображенском был намечен театр военных действий: предполагалось, что он охватит территорию между Рижским заливом и Ладожским озером, при чем в Лифляндии и Эстляндии будут действовать польские войска, а в Ингерманландии¹ и Карелии — русские. В договоре Петр обеспечил за собой право не начинать войны, пока не будет заключен мир с Турцией. Когда в Москву пришло известие, что русский уполномоченный в Константинополе Е. И. Украинцев подписал мирный договор, Петр тотчас же объявил Швеции войну. 22 августа 1700 г. из Москвы, направляясь к Нарве, выступил первый отряд под командованием И. И. Бутурлина, вслед за которым двинулись остальные войска. К концу сентября сосредоточение русских войск под Нарвой закончилось, и в ночь на 2 октября обстрелом русского лагеря шведами из Нарвы было положено начало военным действиям.

Выбор Петром направления на Нарву был продиктован всей совокупностью стратегических и политических соображений. Захват Нарвы, а вместе с нею и всей реки Наровы, мог обеспечить быстрое завоевание Ингерманландии и Карелии, т. е. осуществить важнейшую задачу, поставленную Петром. Овладение Нарвой и Наровой разобщало шведские войска;

¹ Так шведы называли старую русскую Ижорскую землю (по-фински она называлась Ингрия).

Петр I.

Бюст работы Карло Бартоломео Растрелли, 1723 г. Бронза.
Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

действующие в Эстляндии, от тех, которые были расположены в Карелии. Кроме того, укрепившись путем овладения Наровой на западе Ингерманландии, русские получали свободу действий на ее восточных и южных границах, которые были открыты для наступления и потому не требовали подготовительных мероприятий военного порядка. Эти причины заставили Петра выбрать для первого удара Нарву. Сделал он это вопреки противодействию своих союзников, опасавшихся вторжения русских в Лифляндию. Паткуль, который, как известно, был одним из самых активных деятелей подготовки Северной войны, писал саксонскому поверенному в делах¹ в Москве Лангену, что Петра не следует пускать дальше Наровы и Пейпуса, что если он захватит Нарву, то ничто не помешает ему овладеть Лифляндией и Эстляндией; Петру «надобно доказать историей и географией, что он должен ограничиться одной Ингерманландией и Карелией».

Неудача русских под Нарвой и поражение Августа II в Лифляндии внесли изменения в отношения между союзниками и вместе с тем в ход войны. Август II должен был отказаться от мысли помешать русским действовать в Лифляндии. Выйдя фактически из войны и предоставив Петру вести борьбу одному, он уже не мог воспрепятствовать русским перенести военные действия в Лифляндию. Вместе с тем Петр должен был до времени расстаться с мыслью об овладении Нарвой. Однако он не отказался от намерения открыть военные действия в Ингерманландии. Карл XII, уверенный в том, что с Петром после Нарвы покончено, не только не перенес войны на территорию России, что надолго сковало бы силы Петра, но даже не оставил в Ингерманландии войска, достаточного для ее обороны, если бы Петр все же решился перейти в наступление. Эта ошибка Карла XII дала Петру возможность наступать в Ингерманландии. Только теперь для прикрытия своей армии с западной стороны он был вынужден перенести военные действия из-под Нарвы значительно южнее. К зиме 1701—1702 гг. у Петра наметился план войны на ближайшее время: главные силы его армии наступают в районе Невы и Ладожского озера, отдельный же отряд Б. П. Шереметева действует в Лифляндии.

После поражения под Нарвой необходимость добиться серьезного успеха над шведами в Ингерманландии становилась для Петра тем острее, что международный престиж России оказался сильно поколебленным. Надо было доказать Европе, что Россия не настолько слаба, чтобы не быть в состоянии поддерживать силой оружия свои притязания на отторгнутые у нее в «смутное время» области. А Европа не только сомневалась

¹ Польский король Август II был в то же время и саксонским курфюрстом.

Взятие Нотебурга 1702 г.
Гравюра Андрея Шхонебека, 1703 г. Собрание Музея истории и разв

в этом, она была убеждена, что России нанесен непоправимый удар, после которого ей долго не удастся оправиться. Знакомство с некоторыми документами убедительным образом свидетельствует об этом.

В 1701 г. в Фрейштадте (Германия) выходил ежемесячник под названием «Секретные письма необыкновенных людей о замечательных предметах политического и ученого мира». Заголовки некоторых из этих писем говорят сами за себя и в комментариях не нуждаются. Например: «О поражении москвитян под Нарвой и почему они никогда не станут твердой ногой в Лифляндии и не в состоянии будут ничего сделать против Польши», «О том, что осада и освобождение Нарвы во многом похожи на осаду Вены турками и что победа шведов в некоторых отношениях важнее для христиан победы их под Веною», «... О том, что понесенное московским царем поражение есть божье наказание за его высокомерие и дерзость, порожденные в нем сопровождавшим его до сих пор счастьем» и т. п. Издатель листка всячески стремился преувеличить успех шведов, умалить достоинство русского войска и пытался доказать, что дело «русских варваров» безнадежно проиграно. Откровенная ненависть к русским и злобствующее торжество по поводу их неудачи веет с каждой из тех страниц листка, в которых идет речь о русско-шведской войне. В 1701 г. в Вену с дипломатическими поручениями был послан Петром князь П. А. Голицын. В одном из своих донесений в Москву он писал: «Непременно нужна нашему государю хоть малая виктория, которою бы имя его по-прежнему во всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключить, а теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются». Донесения других петровских дипломатов, отправленных в 1701, 1702 и 1703 гг. в другие столицы Европы, были столь же малоутешительны. В них сообщалось о неблагоприятном отношении европейских правительств к России и о дурном впечатлении от поражения под Нарвой.

Зная все это, Петр считал крайне необходимым поднять поколебленный престиж России, а потому очень тщательно и серьезно стал готовиться к кампании в Ингерманландии. Принятые им срочные меры военно-административного и экономического характера позволили ему приступить к военным действиям с несравненно большими шансами на успех, чем под Нарвой. Пора «младенческого игранья» (такова была характеристика поведения русских в подготовке и проведении Нарвского сражения, данная «Журналом» Петра) кончилась, и Петру предстояло серьезное дело.

По мысли Петра, центром военных действий в Ингерманландии должна была стать Нева. Имея в виду прочно утвердиться в Приневском крае и захватить Неву, он принял

С особой торжественностью была отмечена в Петербурге Гангутская победа. Ее значение в ходе Северной войны в судьбе Петербурга было так велико, что Петр не мог упустить случая как можно ярче его подчеркнуть. 9 сентября 1714 г. корабли, принимавшие участие в Гангутском сражении, вошли в Неву. Приветствованные салютом Петропавловской крепости и Адмиралтейства, они остановились у Троицкой площади. Здесь экипажи кораблей сошли на берег и направились к зданию Сената. Процессия, среди участников которой находились и пленные шведы, прошла через специально выстроенные триумфальные ворота. Царь вручил сенаторам донесение о победе. Посоветовавшись между собой и задав ему несколько вопросов, они провозгласили его вице-адмиралом (до сих пор царь имел чин контр-адмирала). Поблагодарив за оказанную ему честь и приняв поздравления от иностранцев, Петр вернулся на свою шлюпку, на которой был поднят вице-адмиральский флаг. Торжество, по обычаю, закончилось пиром во дворце Меншикова.

Выше было отмечено, что общение жителей Петербурга в петровское время происходило в такой обстановке, которая нарушала сословную замкнутость. Это определяло простоту и непринужденность поведения участников всяких публичных собраний. Те тысячи всевозможных санкций и запрещений, которые в послепетровские времена создали придворный и «светский» этикет и тем самым сковали свободу поведения человека, при Петре отсутствовали. Но эта простота порождалась, конечно, не какими-либо новыми социальными отношениями, — они не подверглись никаким изменениям, официальное признание примата заслуги перед породой не меняло существа социальных отношений. Простота общественного быта господствующих сословий в петровские времена определялась в известной мере поведением самого царя, отнюдь не склонного к соблюдению правил придворно-боярского этикета. Дело было тут не только в личных вкусах и привычках Петра, сколько в характере эпохи: грандиозность и универсальность работы по строительству нового государства в соединении с краткостью сроков ее выполнения влекли за собой известное нарушение сословной замкнутости населения, что не могло не вызвать некоторого опрощения быта. Петр, принимавший самое активное участие в строительстве нового государства и более всех стремившийся придать этому строительству универсальный характер, понимал, что следование сословно-бытовым канонам московских времен или немедленная замена их новыми могут только помешать делу. Такое умонастроение порождало и личный быт царя, и его поведение по отношению к другим людям. Его примеру следовали те, кто разделял его взгляды и поддерживал все его начинания. Так создавалась группа людей, принадлежавших

к господствующим сословиям, которая задавала тон общественно-бытовой жизни страны и прежде всего Петербурга. Масса петербургского дворянства и купечества шла за этой возглавляемой царем группой. Дело коренным образом переменялось в послепетровские времена, когда дворянское государство настолько укрепилось, что темпы его перестройки могли быть значительно снижены. Напряженность петровской эпохи осталась позади. Теперь господствующий класс мог зажить относительно спокойной жизнью. Тогда-то дворянскому быту и стали присущи те свойства, которые определяли его характер для всего XVIII в.: пышность, роскошь, строжайшая сословная замкнутость, до мелочей разработанный этикет. В создании канонов дворянского быта петербургскому дворянству, конечно, принадлежала первенствующая роль.

Русская культура первой четверти XVIII в. имела одну особенность, весьма характерную для петровского государства: она была лишена того богословского духа, который пронизывал ее в предшествующее время. Сознание передового человека петровской эпохи уже не было в такой степени, как раньше, подчинено религиозно-церковным догматам. Оно приобретало все более светский характер. Эта новая особенность сознания людей петровского времени не замедлила сказаться и в их быту. Быт передового дворянина в царствование Петра в гораздо меньшей степени был окрашен в религиозно-церковный цвет, чем в Московской Руси. Это нашло свое отражение во многих фактах и явлениях как общерусской, так и петербургской жизни.

В библиотеке просвещенного жителя Петербурга было мало богословских книг, научные и технические сочинения в ней преобладали. В петербургских учебных заведениях преподавание богословских наук занимало мало места. Праздники, устраивавшиеся в Петербурге, носили совершенно светский характер. Спектакли, разыгрывавшиеся в петербургском театре, были свободны от религиозно-церковного элемента. В домашнем быту петербургского дворянства церковь перестала играть прежнюю роль (количество церквей в Петербурге было незначительно). Руководители петербургского духовенства во главе с Феофаном Прокоповичем являлись людьми, в мирозерцании которых было много светского. Все вместе придавало петербургскому быту черты, значительно отличавшие его от быта Москвы даже совсем недавнего времени.

В своем стремлении высвободить жизнь государства из-под церковного влияния Петр прибегал к самым разнообразным мерам, начиная от учреждения Синода и кончая сочинением регламента для «всешутейшего собора». Этот «собор» призван был играть агитационно-пропагандистскую роль. Вся деятельность его носила пародийный характер. В этом хорошо разобрался еще И. И. Голиков, писавший, что Петр назвал главу

? | «всешутейшего собора» Зотова папою, «дабы мечтаемую папою власть над христианством и самую особу папы привести у подданных своих в презрение... Равным сему образом приводил царь мало помалу в неуважение патриарха российского». Шумные и зачастую непристойные забавы «собора», по мнению Петра, должны были развеять всемогущий авторитет церкви и патриарха. Источники, рисующие жизнь «собора», не дают материала для решения вопроса о том, в какой мере Петру удалось разрешить эту задачу. Едва ли, однако, «всешутейший собор» был наиболее действенным средством из всех, примененных Петром в его желании «привести в неуважение» главу российской церкви. После смерти Петра «собор» сразу прекратил свое существование. Но в быту петровского Петербурга он играл не последнюю роль, внося в жизнь новой столицы весьма своеобразный колорит.

171 | Как было отмечено выше, в быту петербургского дворянства новое и старое тесно переплетались. Немало было в Петербурге людей, которые смотрели не только на все новости столичного быта, но и на самую столицу глазами, в которых читалось нескрываемое осуждение. Далеко не всегда это осуждение оставалось безмолвным. Стоит только вспомнить дело царевича Алексея, показавшее, как много было врагов у Петра. Тайная канцелярия в 1718 г. была переведена из Москвы в Петербург, где продолжался розыск по делу царевича. С этого времени она стала вершить розыскные дела в столице и, как известно, упрека в бездеятельности у современников и у потомства отнюдь не вызывала. Конечно, быт людей, попадавших в поле зрения Тайной канцелярии, в основе своей оставался неизменным, и если эти люди брили бороды, носили европейское платье, участвовали во всевозможных потехах, придумываемых неистощимой фантазией царя, то делали это только потому, что боялись государева гнева. Много времени понадобилось, чтобы сознание этих людей переработалось и чтобы они сроднились с формами нового быта.

!! | Но пассивные и активные противники Петра не были единственным препятствием в деле утверждения нового быта в Петербурге. Не надо упускать из виду, что в сознании очень многих самых искренних и деятельных друзей и единомышленников Петра было еще много от московской старины в ее наиболее отсталых формах. Общественное сознание человека петровского времени выработалось не вдруг, и над ним тяготела масса непреодоленных традиций. Ликвидировать эту косность было, быть может, труднее, чем обезоружить сознательное сопротивление. Общительность уживалась с такими нравами, которые отдавали самой затхлой стариной. Нельзя пройти мимо того безудержного пьянства, о котором единодушно свидетельствуют наблюдатели жизни петровского Петербурга. Правда,

Дворец князя А. Д. Меншикова в 1720 г.

С рисунка Хр. Марселиуса, 1720 г. Фотоснимок в собрании Музея истории и развития Ленинграда.

на пирах, как рассказывают те же наблюдатели, происходили иной раз сцены, полные глубокого смысла и значения. Одним из наиболее впечатляющих эпизодов такого рода была известная речь Петра, обращенная к присутствовавшим на спуске корабля и записанная Вебером. С чувством законной гордости Петр говорил об успехах, достигнутых Россией за последние тридцать лет, и предсказывал возможность такого ее дальнейшего развития, какое создаст величайшую славу русскому имени. Конечно, такая речь не могла бы быть произнесена перед аудиторией, потерявшей способность слушать и понимать.

Плохо гармонировали с европейским «политесом» выходки присутствовавших на ассамблеях и праздниках шутов, повидимому, никого не шокировавшие. Обычным делом были драки и потасовки во время общественных собраний. Далекое не утонченные шутки и проказы, участником которых бывал зачастую и сам царь, сплошь и рядом врывались в беседы на политические и научные темы. В домашнем быту петербургского дворянства очень многое осталось неизменным не только в петровские, но и гораздо более поздние времена: попрежнему дворяне собирали оброк с своих крестьян; как и раньше, крепостная челядь заполняла их дома; порядок в доме по отношению к домочадцам и слугам поддерживался старыми методами, среди которых физическому воздействию отводилась первенствующая роль. От петровского времени остался красочный

бытовой памятник — «Юности честное зерцало», напечатанное по личному повелению Петра. В рекомендациях и запрещениях этого руководства «хорошего тона» полно и ярко отразились те бытовые черты, которые остались от прежнего времени.

И все же в петровском Петербурге основы нового быта были положены прочно. И новое государство, и новая столица выдержали все испытания, выпавшие на их долю. Петербург стал столицей обновленного государства, и люди, жившие в нем, были в основе своей людьми новых взглядов, привычек, вкусов. Много еще предстояло сделать для дальнейшего развития материальной и духовной культуры только что возникшего города, но то, что оказалось сделанным, давало все основания предвидеть могучий рост его. Ближайшие десятилетия вполне оправдали эти надежды.

ПРИМЕЧАНИЯ

Кроме литературы, указанной в тексте статей, при написании их были использованы следующие издания:

В статье А. В. Предтеченского — Журнал, или Поденная записка, блаженные и вечнодостоинные памяти государя императора Петра Великого... СПб., (без года); Письма и бумаги Петра Великого, тт. II, III; С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, тт. 14, 15; Н. Устрялов, История царствования Петра Великого, тт. II, IV; Фокеродт, Россия при Петре Великом („Чтения в импер. обществе истории и древностей российских при Московском университете“, 1874, кн. 2); Ф. Ф. Веселаго, Очерк русской морской истории, ч. I, СПб., 1875; Д. Ф. Масловский, Записки по истории военного искусства в России, вып. I, СПб., 1891; Г. И. Тимченко-Рубан, Первые годы Петербурга, СПб., 1901; А. И. Гиппинг, Нева и Ниеншанц, СПб., 1909 и др.

Статья В. Г. Геймана является переработкой статьи того же автора, помещенной в сборнике „Петр Великий“, М.—Л., 1947 и написана главным образом на основе архивных материалов, хранящихся в разных архивах Москвы и Ленинграда. Были использованы следующие архивные фонды: Адмиралтейской канцелярии, Адмиралтейской Коллегии, Берг-Коллегии, Штаба генерал-фельдцейхмейстера, Мануфактур-Канторы, Комиссии о Коммерции, Государственного архива, Канцелярии графа Апраксина.

Кроме того, были использованы следующие основные печатные труды: Н. Т. Федотов, Исторический очерк развития военных портов в России, Л., 1940 (машинопись); В. Родзевич, Историческое описание С.-Петербургского Арсенала за 200 лет его существования, 1712—1912 гг., СПб., 1914; Н. Бранденбург, Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701—1720), СПб., 1876; К. Каменев, Историческое описание Охтенского порохового завода, СПб., 1891; Е. И. Заозерская, Мануфактура при Петре I, М.—Л., 1947, и др.

В статье И. И. Любименко — К. Магх, Secret diplomatic history XVIII c. London, 1890; М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, тт. 1—21, СПб., 1781—1788; А. Семенов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, т. III, СПб., 1850; Г. А. Немиров, Опыт истории С.-Петербургской биржи, СПб., 1889; [И. К. Кириллов] Цветущее состояние всероссийского государства... М., 1831; Н. А. Попов, Татищев и его время, СПб., 1861; П. Н. Столянский, Петербург. Как возник, основался и рос С.-Петербург, П.; 1918; И. М. Кулишер, История русской торговли, П., 1923; Д. Бабурин, Очерки по истории Мануфактур-Коллегии, М., 1939; Т. К. Крылова, Торговая политика Петра I в странах Юго-Запад-

ной Европы (Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. Герцена, XXIX, 1939) и др.

В статье И. И. Любименко и Г. М. Тонковой — С. В. Рождественский, Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках, т. I, СПб., 1912; М. Ф. Владимирский-Буданов, Государственное и народное образование в России XVIII века, СПб., 1874; П. Ф. Каптерев, История русской педагогики, СПб., 1910; Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I и II, СПб., 1862; Ф. Веселаго, Очерк истории Морского кадетского корпуса, СПб., 1852; Липский, Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования, СПб., 1913; И. Чистович, Феофан Прокопович и его время, СПб.; П. Пекарский, История императорской Академии наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870; И. И. Любименко, Просвещение и наука при Петре I и основание Академии наук (Известия Академии наук СССР, серия Истории и философии, 1945, № 3) и др.

В статье А. В. Предтеченского — Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, т. I, II; Письма и бумаги Петра Великого, т. IV; Материалы для истории русского флота, ч. I, IV; Полное Собрание Законов, №№ 2747, 2788, 2877, 3118, 3193, 3198, 3246, 3320, 3339; Петербург в 1720 году. Записки поляка очевидца («Русская старина», 1879, № 6); М. В. Клочков, Население России при Петре Великом, СПб., 1911; Дневник камер-юнкера Берхгольца, М., 1902; И. Грабарь, История русского искусства, т. III; М. М. Богословский, Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века, изд. 2, П., 1918 и др.

Handwritten numbers and symbols scattered in the lower right quadrant of the page. The numbers include 2, 7, 6, 10, 5, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. There are also some symbols that look like 'A', 'B', 'C', 'D', 'E', 'F', 'G', 'H', 'I', 'J', 'K', 'L', 'M', 'N', 'O', 'P', 'Q', 'R', 'S', 'T', 'U', 'V', 'W', 'X', 'Y', 'Z' and some other characters.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>А. В. Предтеченский</i> . Основание Петербурга	3
<i>В. Г. Гейман</i> . Мануфактурные предприятия Петербурга	49
<i>И. И. Любименко</i> . Торговля в Петербурге	73
<i>И. И. Любименко и Р. М. Тонкова</i> . Культурная жизнь Петербурга .	93
<i>А. В. Предтеченский</i> . Население и быт Петербурга.	125

Редактор К. П. Серов
Техн. редактор Л. Г. Левоневская
Корректор А. Г. Ткалич

Подписано к печати 12 июля 1948 г.
Форм. бум. $60 \times 92^{1/16}$. Объем 10 п. л.
Уч.-изд. л. 10,14. Колич. тип. зн.
в 1 п. л. 37,174. Тираж 10.000.
Изд. № 459. М — 12643. Цена 9 р.
Зак. № 93

Типография им. Володарского

